

РАССЛЕДОВАННЫЙ ПОЦЕЛУЙ

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ

Александр Рогинский

Расследованный поцелуй

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Рогинский А.

Расследованный поцелуй / А. Рогинский —
"Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

Если бы следователь прокуратуры за хорошую работу не получил бесплатные билеты в театр, он не посмотрел бы спектакль, где главные герои очень уж натурально вели себя в любовной сцене. Если бы жена следователя не встретила случайно в перерыве свою подругу - завлита театра - они бы не узнали, что точно также, как и на сцене, парочка ведет себя и в обычной жизни, что жена главного героя недавно умерла при странных обстоятельствах. Если бы не все это, вряд ли бы очень занятой следователь взвалил на себя еще одно дело, оказавшееся очень непростым.

© Рогинский А.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Александр Рогинский

Расследованный поцелуй

Мирославов вертел в руках билет в театр и недоумевал, зачем он ему? Вручили едва ли не силком в порядке поощрения. В молодости часто посещал этот храм искусств. Но тогда были артисты и спектакли. А сейчас?

Мирославов набрал мобилку Майи.

– Альо! – весело крикнула в трубку Майя. – Я тебя слушаю!

– Майка, мы завтра идем в театр. У меня билеты, дали на работе.

– Ну и что, – весело отвечала Майка, – мы осилим и театр!

* * *

Познакомились они, можно сказать, на работе. Мирославов вел дело о краже импортного оборудования в НИИ.

В лаборатории, где сидела Майя, Мирославов оказался не случайно. Украден был микроскоп, стоивший 300 тысяч долларов. Украден мастерски – разобрали и вынесли по частям.

Простому грабителю такое не под силу: надо знать все тонкости разборки, чего без чертежей не сделаешь. К тому же прибор тонкий, малейшая царапина оптики или даже незначительная встряска могут в одно мгновение золото превратить в песок.

Майя объясняла шефу научные подробности, тот крутился вокруг, желая заглянуть в визир. А Майя в это время, как потом призналась, оценивала Мирославова с истинно женской точки зрения.

Она сама и назначила Мирославова свидание, когда шеф, так и не заглянувший в микроскоп, вынужден был ретироваться, оглянувшись в дверях с сожалением, словно у него перед носом увели автомобиль.

Майя подошла к Мирославова и спросила:

– Вы женаты?

Мирославов слегка опешил, с ним в жизни так не разговаривали женщины.

– Понятно – свободны. Тогда я вас приглашаю со мной отужинать.

Через два дня они расписались. Майя переехала к Мирославова в двухкомнатную родительскую квартиру (мать несколько лет назад умерла).

Оказывается, привел в квартиру не жену, а настоящего монстра, который тут же занялся выбрасыванием старой мебели и ремонтом. Через неделю Мирославов жил в новой квартире. Словно ее привезли из какой-то модной выставки.

Только теперь Мирославов понял, почему шеф Майи не настаивал на микроскопном просмотре. Она и на работе была такой.

Майя умела разговаривать сразу на трех языках – научном, бытовом и прибалтненном. Иногда эти три языка смешивались, получалось очень весело. На своего шефа могла сказать, к примеру, «дистиллированный презерватив». Естественно, только дома. Иногда отрабатывала на Мирославова свой жаргончик. Но не злоупотребляла. В их обиходе превалировали приличные слова.

* * *

В театр Майя надела шелковое облегающее платье, подчеркивающее все ее женские прелести. Мирославов купался в славе победителя женских сердец. Да и сам завидовал себе. Достался ему изумруд с когтистой кошкой внутри.

Места Мирославова с Майей были в партере, в третьем ряду – сразу возле прохода.

– Очень удобно будет сбежать, – шепнул на ухо жене Мирославов, как только они уселись в выдавшие виды бархатные кресла.

– Я смотрю до конца, – также в ухо шепотом предупредила Майя. – Мы редко бываем в театре, да и деньги государственные экономить надо.

Спектакль начался. Какая-то бодяга с мужем, который изменял жене с парикмахершей.

Мирославова все время подмывало воспользоваться близким проходом. Майя крепко держала его в кресле. А в антракте сказала, что ни черта он не понимает в искусстве.

– Слушай, а ты заметил, что эта парикмахерша и этот прохиндей целуются по-настоящему? Я в этом толк знаю.

Как было следователю не заметить непривычно живую игру этих персонажей. Блондинка целовала изменщика в засос. Было слышно. Несколько раз после таких поцелуев даже раздавались аплодисменты.

Во втором антракте решили сходить в буфет. Встретили знакомую Майи.

– Постой секундочку, я с ней переговорю.

Мирославов стоял и терпеливо ждал.

– Моя однокурсница, – сказала Майя. – Пригласила в гости вместе с тобой.

Звали подругу Зинаида, жила она с котом Зевсом в шикарной квартире, которую ей оставил отец-академик.

Как рассказала Майя, Зинаида была прекрасным литературным редактором, но имела своеобразный характер – не любила людей.

Давно бы выгнали из театра, но была крупным специалистом – знала всю мировую, украинскую и русскую драматургию, владела пятью иностранными языками и была непорочной девой, не переносящей спиртного.

Когда Майя закончила описывать портрет, Мирославов поморщился. Что это за вечеринка, где нельзя рюмку опрокинуть и по душам поговорить?

Но все оказалось вполне пристойно.

Зинаида встретила их радушно, поцеловала в ухо Мирославова, как доброго друга семьи (так целовала, догадался следователь, своего кота). А стол был образцово-ресторанным: лобстеры, коньяк, икорка, крупная молодая картошка, чем-то красным политая, в горшочках жаркое...

Когда все выпили, Мирославов, как единственный мужчина, встал и произнес речь.

Он сказал, что спектакль очень понравился, что завидует Зинаиде, работающей в таком театре. Еще что-то говорил на тему, совершенно ему чуждую. Зинаида наблюдала за ним, как наблюдает за щенком хозяйка, которую беспокоит только одно: как бы он не спутался с заблудшей сучкой.

Разговор приобрел общий характер. Зинаида начала рассказывать, что у них в театре разыгрывается драма. Вернее, уже давно разыгралась. В этой драме есть настоящая загадочная смерть, которая для всего коллектива вовсе не является загадочной.

Эта парочка ведет себя и за кулисами весьма откровенно. И режиссер использовал этот разврат на сцене. Это, по его мнению, придает достоверность.

Дело в том, что Михаил Демов и Лара Бурова соседи по лестничной площадке, а у Демова парализованная жена. И вот недавно она умерла как-то очень быстро.

Я ее часто посещала, она ведь также наша актриса. Она давно смирилась с ситуацией. Мужа не замечала и правильно делала. А он всячески демонстрировал свою заботливость: бегал по магазинам, приглашал знаменитых врачей. А сам, благо все рядом, жил с Ларой.

Демову досталась шикарная квартира и немалое наследство. И теперь собирается жениться на Ларе. Резон прямой. Они объединяют квартиры, занимают практически весь этаж. Если учесть, что их дом в центре города, а квадратов много, то автоматически становятся миллионерами.

Но вот я лично считаю, что Демов свою жену убил. И тут нечего скрывать. В театре многие со мной согласны.

– Демов – тот самый герой, который все время целовался с парикмахершей? – спросил Мирославов.

– Видите, и вы заметили их скверную игру.

* * *

Поцелуй перед несколькими сотнями зрителей и история, рассказанная словоохотливой Зинаидой, зацепили Мирославова. Пока и сам не мог понять, чем. Но история постоянно всплывала в памяти, манила в бездну интересных размышлений и рассуждений с самим собой, что особенно любил в своей профессии Мирославов.

* * *

Мирославов вышел на балкон покурить, чтобы обдумать услышанное.

На секунду в двери проявилась и тут же исчезла голова Майи.

Только и услышал:

– Священнодействует!

Он вспомнил театр, его сумрачную атмосферу с шевелящейся массой людей, пригнанных сюда жаждой получить некую встряску своих зачерствелых чувств или просто убить время.

Мирославов гнал от себя актера Демова и театр, принуждал думать о другом. Один раз даже встал, чтобы пойти посмотреть бокс Виталия Кличко. Но видел не увальня с мощным джебом, а парочку, основательно усевшуюся на сцене и целующуюся взасос (слово-то какое противное, впервые обратил внимание Мирославов).

На балконе с подносом стояла Майя в своем легком синем халате с большими ромашками.

– Хватит морщить лоб, пора и в перекуре перекур сделать, – сказала Майя, пододвинув маленький столик, специально купленный для кофепития на их хорошо меблированном балконе, увитым диким виноградом.

– Можно и так, – согласился Мирославов. – Пахнет, во всяком случае, замечательно.

Каждый сделал по глотку, Мирославов закрыл глаза от удовольствия.

– Ты знатный кофеготовщик.

– А ты знатный следователь. Все думаешь о театре, зацепило?

– Зацепило, – признался Мирославов. – Почему и нет, живое дело? Могу тебе сказать с уверенностью: там есть состав преступления. Этот Демов двигается нечестно.

– Как ты сказал? – расхохоталась Майя. – Настоящий перл. Можно ли двигаться нечестно – это вопрос диссертационный!

– Можно. Учти, люди ничего скрыть не могут. Они себя не видят со стороны. И вся хитрость или упрямая тайна тоже написаны – или на лице, или в движениях. Ты посмотри, как двигается этот Демов. Подлость читается в его крадущихся шагах.

– Но он же актер? Профессия такая есть, знаешь?

– В том и дело. Он спрятал свое преступление в себе и заиграл, а оно висит над ним, его видно со всех сторон.

Так что могу смело сказать, когда освобожусь от дела сынка, тут же переключаюсь на это.

* * *

Паталогоанатом Александр Михайлович, всегда при градусе и хмуром веселье, дал толстенную книгу, в которой числились все, побывавшие в заведении за последние три года.

Мирославов с трудом нашел свою клиентку.

Диагноз гласил – сердечная недостаточность.

Иными словами – женщина умерла не от того, чем болела, а от сердца – самый простой путь отправиться к праотцам.

Александр Михайлович, просмотрев заключение врача, ухмыльнулся и глотнул из фляжки.

– Отделаться хотел. Пойди докажи. Сердце ведь у всех больное. 70 процентов вот этих, кивнул на дверь, за которой находился холодильный зал, считай, все от этого помершие. А если проверить, так половина диагнозов – ошибки врачей. Я-то знаю.

У самого сердце шалит, вот я ритм и восстанавливаю. Александр Михайлович опрокинул металлическую спасательницу и удовлетворенно констатировал:

– От аритмии дюже помогает, советую.

– Вы ведь врач, Александр Михайлович, – сквозь улыбку сказал Мирославов. – А что советуете!

– Хорошее советую – сжигает всякое дерьмо, в котором мы живем. Вот только у нашего народа с тормозами плохо, тогда от этого божественного напитка можно попасть и туда, кивнул он снова на дверь холодильника. А так – дюже помогает!

Значит – сердечная недостаточность.

На очереди был разговор со следователем, закрывшим дело Демовой.

Оказалось, следователь Путов уже в управлении не работал. Несколько месяцев назад был осужден за взятку.

Дело явно списано в архив. Хождение по второму кругу затруднено отказом свидетелей отвечать. Сколько можно? Сегодня народ, как огня, боится свидетельствовать, того и жди пулю в лоб.

Предстояла работа с чистого листа. Дело расследовано непрофессионально. Взятка, за которую сел Путов, была не такой уж и большой – 10 тысяч долларов.

Значит, подобное могло быть и с закрытием дела Демовой. Слишком торопливы заключительные действия следователя.

* * *

Майя ждет с ужином. Нужно поспешить. Есть Мирославову не хотелось, но аппетит приходит во время еды. У Майи это так. Она прекрасно готовила, в своих ученых лабораториях они не только науками занимались, а еще и соперничали, кто лучше «изобразит» (как у них говорилось) то или иное блюдо. Майя удачно претворяла в жизнь знания, полученные из разных источников информации.

Дома было пусто. Странно, обычно Майя приходила на два часа раньше его. Сейчас в институтах давали такую поблажку ввиду нестабильной и низкой зарплаты, чтобы хоть как-то удержать нужных специалистов.

Мирославов же позвонил жене на работу. Никто трубку не брал. Набрал номер приемной.

Узнав кто звонит, дежурная сделала паузу, а потом увлажнившимся голосом произнесла:

– Вашу жену отвезли в больницу. У нее что-то с животом. Стало плохо, директор дал машину, ее отвезли в двенадцатую, там у директора хороший знакомый заведующим.

Мирославов тут же начал звонить.

Майю поместили в 8-ю палату хирургического отделения.

– Что-то серьезное? – спросил Мирославов дежурного врача.

– Ее готовят к срочной операции.

– Еду.

Медленно встал, обвел глазами комнату. Что все это значило? Майя как-то пожаловалась на боли в животе. Мало ли что, у кого их не бывает?

Больница находилась недалеко, через полчаса Мирославов сидел в приемном покое. Ему назвали предположительный диагноз – ущемление грыжи.

* * *

Обычно Мирославов работал с двумя помощниками. В последний раз ему оставили одного, как было сказано «в целях улучшения качества работы». На самом деле – сократили штаты.

С одним помощником, конечно, будет сложнее. Мирославов любил тщательную работу. Все узнать о родственниках, знакомых, сослуживцах. Естественно, личность убитой, ее окружение.

Сеть Мирославов забрасывал широко, ему удавалось найти факты, могущие свидетельствовать в пользу истины.

Завтра по плану его помощник Игорь Попов съездит в Лукьяновскую тюрьму, переговоры с Путовым.

А ему пора заняться театром. Сначала режиссер, затем Демов...

Майя в больнице, а он вынужден смотреть телевизионную трансляцию спектакля. Такую оказию пропустить нельзя. У театра юбилей. В передаче запланировано еще и интервью с главным режиссером. Будет возможность до встречи кое-что узнать об этом человеке. Крупный план – настоящий рентген.

Артисты громко говорили и манерно ходили по сцене. Какой-то тип принес два пистолета и требовал дуэли. При этом откровенно жульничал. На виду у зрителей вынимал патрон из револьвера противника, в свой вставлял два.

При этом, разумеется, его противник ничего не видел, занимаясь какими-то пустяковыми делами у шкафа.

Актеры явно переигрывали.

Демов появился в форме генерала, важно уселся на стул, начал допрос дуэлянтов. Камера крупно наехала на лицо. Мирославов увидел неловко сделанный макияж, плохо приклеенный парик, из места заклейки которого торчал настоящий волос артиста.

Демов своего генерала представлял полным тупицей, делал это весьма искусно. Ноги у генерала дрожали, подбородок, когда он говорил, трясся, руки все время что-то искали на груди.

Имеющаяся все еще власть, но уходящая жизнь и пришедшая с ней слабость и неуверенность делали генерала смешным. И Демов умело подчеркивал это.

Мирославов уселся удобней, стал с интересом наблюдать за Демовым. Он сейчас знакомился с его поведенческими инстинктами – как реагирует на своего героя, где проявляется сам, как контактирует с партнерами.

Последнее особенно было любопытно. Демов, на что сразу обратил внимание Мирославов, смотрел мимо собеседника, проговаривал текст, словно делал выговор. Контакт обрывался почти мгновенно. После окончания монолога Демов слегка отворачивался, не слушал отвечающего. Иногда даже опережал свое вступление.

Все это говорило о самонадеянности и неуважении к партнеру.

В глазах Демова чувствовалась напряженность и усталость, хотя и зажигал их в нужных случаях огоньками живости.

Интересна была концовка спектакля. Участники спектакля вышли, взявшись за руки, как в детском садике, кланялись. Все делали глубокие поклоны, лишь Демов слегка опускал голову, с иронической улыбкой глядя в зал.

Аплодисменты были, будто их записали на другом спектакле – громкие и чужие. Действия сыгранной пьесы, видно, мало кого задело по-настоящему. Но театр есть театр – актерам и режиссеру полагается признание. Все-таки старались. И потом – у театра юбилей.

Выступал главный режиссер театра. Говоря, смотрел в потолок немигающими глазами. Тон был мечтательным, совершенно не шел к строгому и равнодушному лицу.

Лишь однажды облачком проплыла улыбка, когда вспомнил свои первые спектакли в этом театре.

Из выступления было ясно, что до режиссера Уткина театр влачил жалкое существование. С его приходом начался ренессанс.

Выступил и Демов. Он был еще в гриме, но как преобразился: стал выше, респектабельней. Первая же фраза заставила зал притихнуть.

Демов начал с того, что рассказал, как тяжело было работать с нынешним главным режиссером в первые его спектакли, как они не могли понять друг друга. Но это взаимное непонимание на первых порах обернулось глубоким взаимопониманием потом.

Перед зрителями сейчас выступал настоящий главный режиссер театра – уверенный в своих творческих силах, умело расставляющий акценты.

Мирославов чуть было ему не зааплодировал. Демов откровенно играл роль главного режиссера, который долго вытесывал из неподатливого камня свою скульптуру, в конце концов вытесал.

Получалось, что не Уткин, а Демов создал бессмертный коллектив.

Если все, что увидел Мирославов, перевести на обычный язык, можно сказать без всяких преувеличений: в театре полный разброд, идет настоящая война за место главного режиссера, художественного руководителя, директора.

Демов был профессионалом высокого полета: не выбрасывал весь свой арсенал чувств, обладал проницательностью и снобизмом. Он возвышался в своей силе лжи, наслаждался ею.

Ложь, доведенная до совершенства, становится правдой. Словно эту заповедь исповедовал Демов. И конечно, ему был тесен мир с режиссером Уткиным. Мирославов не сомневался: на репетициях главреж предоставляет полную свободу Демову. Не только потому, что боится его, а знает себе цену.

* * *

Дело удалось открыть после долгих уговоров шефа.

– Я нюхом чую, – говорил Мирославов Сиротину, – тут чистое убийство.

– Интуицию к делу не подошьешь. У нас еще есть прокуратура, – отвечал Сиротин.

* * *

Койка стояла у самого окна. Майя частенько, повернувшись на правый бок, наблюдала жизнь двора больницы. Там ничего особенного не происходило. Пробежал в синем халате врач с хирургического, на ходу завязывая тесемки рукава. Степенно, низко нюхая землю, зигзагами прошла овчарка Сима, являвшаяся штатным охранником больницы. Стоят растерянные посетители с клумаками. Видно, издалека приехали...

В больницу действительно приезжали со всей Украины. На местах людей просто резали. Многим приходилось делать повторные операции уже в столице в специализированной больнице.

Рядом лежит девочка из южного города. Ей удалили грыжу, а оказалось, не в грыже было дело, а в поджелудочной железе.

Когда на работе Майю схватило в коридоре, поверить не могла, что существуют такие сильные боли. Только что шла жизнерадостная, полная сил женщина. И тут кто-то железными пальцами вцепился ей в живот.

* * *

Мирославов пришел с большим букетом роз и передачей, больше похожей на посылку. Вежливо поздоровался со смотрящими во все глаза на него женщинами, по-отцовски поцеловал Майю в лоб. Присел на краешек стула, показывая этим свое сострадание к болящим.

Он сидел на краешке стула и тихонько спрашивал Майю, как она себя чувствует.

Майя отвечала, как чувствует себя, тихо смеялась одними глазами. И он смеялся одними глазами. Так они говорили пустые слова, а глазами разговаривали – этого вполне хватало.

– Я обязательно еще приду, – сказал Мирославов, ступая, как канатоходец, по полу палаты.

Когда очутился у дверей, грудь выпрямилась, громко, чтобы все слышали, сказал:

– Рад был вас всех повидать. Выздоровливайте!

* * *

Валя любила читать газеты. И сейчас она медленно спустила ноги, нащупала тапочки.

– Пойду куплю «полисталовку», что там в мире происходит.

По-старушечьи переставляя ноги вышла в коридор.

Майя прикрыла глаза, с удовольствием погрузилась в дрему, когда вроде бы спишь, но все слышишь.

Через полчаса Валя вернулась и зашуршала газетными листами. Майя приоткрыла глаза, но слабость сковала. Снова впала в странное полусонное состояние.

А Валя долго шуршала, потом обратилась к Ире-соседке:

– Очень интересная статья о театре. Тут мой земляк работает, главные роли играет.

Я несколько раз ходила на него смотреть, а один раз даже решила зайти в гримерную представиться, ведь мы хорошо знакомы с его братом Яковом. Моя мама до самой смерти его кормила, работала прислугой в их семье. Очень богатая семья. И очень странная. Замкнутая. Ни с кем не общались, все себе да себе.

– А кем работал брат артиста? – спросила Ира.

– Есть такое слово, которое я долго училась произносить – риэлтор. Это что-то вроде перекупщика квартир. Очень богатый был брат.

– А он что – умер?

– Умер, но очень странно. В городе ходили слухи, что его убили. Маму затащали по допросам, а она ничего не знала.

На этом месте разговор начал расплываться, гаснуть, Майя заснула.

* * *

Мирославов позвонил главному режиссеру домой, тот перепугался, услышав, что в театр хочет придти следователь.

– О причине моего прихода я вам расскажу на месте, – сказал Мирославов и положил трубку.

Теперь Уткин будет ломать голову, почему это театром заинтересовалась милиция. Перепуг главного режиссера был натуральный, мог означать: Уткин или просто не из десятка храбрецов, или на совести лежит темное.

Швейцар перегородил дорогу Мирославоу.

– Мне назначено на 10 часов Уткиным.

– Уткина еще нет. Если назначили на десять, то будут к одиннадцати.

– Это как? – не понял Мирославов. – Запланированное опоздание?

– Это, голубчик, театр. Люди здесь – свободные птицы. Случается, что и вовсе на репетиции не приходят. Корреспондентов созывают, а на репетиции не приходят. Все звездами стали.

Мирославов занял место в партере ровно посередине зала. Хотел посмотреть репетицию без комментариев.

Появился электрик. Он начал ставить свет, выцеливая лучи осветительных приборов на центральную часть сцены. По всей видимости, там и сосредоточится действие.

Уткин появился, когда на сцене уже стояли стулья и стол.

Мирославов поднял руку, помахал ею в воздухе.

Уткин шагнул было вперед, но остановился.

Мирославов посмотрел на часы. Вахтер оказался прав: опоздание ровно на час. Это у них, наверное в норме. 10 часов – срок мобилизующий. Если назначить на 9, все равно придут в одиннадцать. Жизнь ведь у актеров перевернутая.

Уткин спустился в зал, сел в третьем ряду.

– Начали, – крикнул он.

Откуда ни возьмись на сцену выскочила группа молодых людей и, бурно обсуждая что-то, остановилась в освещенном месте.

Молодой человек громким женским голосом стал рассказывать, как вчера славно повеселились.

Уткин сидел, скрестив руки, монументально глядя на сцену. Его затылок был чугунно влит в шею. Он, казалось, совершенно не слушал весь этот юношеский бред, а спиной смотрел на Мирославова.

Актеры ревелись. Так продолжалось минут 15.

Уткин встал и вышел из зала. Через некоторое время появился на сцене с толстой тетрадью. Рядом с двумя стульями в руках шел его помощник.

Уткин сел на стул прямо в центре скрещивающихся лучей прожекторов, закинул ногу на ногу.

– Вы чем эту неделю занимались? – спросил и потряс тетрадью в воздухе. – Честно признайтесь, кто читал пьесу?

Актеры притихли.

– Не читали, впрочем, нечему удивляться, если вспомнить, у кого вы все учились.

Актеры понуро молчали.

Мирославу стало интересно: читали все-таки пьесу или нет? И что это за учитель такой, кого так бранит Уткин? Или он таким образом набивает себе цену?

– Берите стулья, – сказал Уткин, с силой хлопая тетрадью себе по коленям. – Будем разбираться.

Из стульев был образован кружок, в центр которого выходил актер и читал из тетради свой монолог.

Это были слова, написанные красивым русским языком 19 века.

Демов появился в конце репетиции. Взял свой стул и сел за кольцом. Уткин отпустил актеров, кивком головы пригласил Демова сесть поближе.

– Что скажешь о пьесе? – спросил Уткин.

– Пьеса дрянь, но играть можно.

– И кого ты выбрал?

– Вот этого бородатого, – ткнул пальцем в точно такую же тетрадь, как и у Уткина, Демов.

– Я так и знал. Но эта роль уже закреплена за Фурманом. Если бы ты регулярно ходил на репетиции, ты бы знал об этом.

– Я не хожу регулярно на репетиции, – ровным безразличным голосом сказал Демов. – В этом нет необходимости. Мне нечего время терять с этими юнцами.

– Как с тобой стало тяжело работать! Если бы ты был несмышлеником, я еще понимаю. Но ты ведь профессионал. Хорошо знаешь, что репетиции нужны для сыгровки, создания своего поля с другими актерами. Не будет этой сцепки, не будет спектакля. Не мне тебе объяснять такие простые истины.

– Так и не объясняй.

Уткин тяжело встал и повернулся чуточку к залу, вероятно, привлекая к этой сцене и как бы отвечая на первый вопрос Мирославова.

Вот с какими типами мне приходится работать – говорила его горькая немая поза.

На этом репетиция была закончена, Мирославов поднялся со своего места, чтобы пойти к Уткину в кабинет.

Но Уткин появился в зале.

– Мы можем поговорить и здесь, – сказал он, не поздоровавшись.

– Здравствуйте, Владимир Исаевич, – сказал Мирославов, протягивая руку.

– Ах, да – здравствуйте! – судорожно схватил протянутую руку обеими руками Уткин.

Ладони у него были влажными и вялыми, рука чуточку подрагивала.

– Вячеслав Владимирович, – подсказал Мирославов.

– Именно – Вячеслав Владимирович. Так что вы хотели узнать в нашем Богом забытом театре? Какие такие преступления совершаются тут, что мы имеем удовольствие видеть у себя столь уважаемого человека?

– Естественно, я не пришел к вам ради знакомства с жизнью актеров и режиссеров, хотя все это очень интересно.

– Абсолютно не интересно. Грязно, ложно и идиотно. Я бы с удовольствием сейчас поменялся с вами профессией.

– Не верю. Так, кажется, говорил Станиславский. Вам нравится, чем вы занимаетесь. Это видно по каждому движению.

– Ну да – вы ведь следователь. С вами ухо остро держать нужно.

Но скажите – за что любить мою профессию? Вот за такие сцены, которую вы наблюдали? Театр уже давно умер, остались лишь зрители. А актеры и прочая шваль, которая тут

вертится под ногами, всего лишь прикрывающиеся профессией, чтобы быть каким-нибудь первым лицом среди других.

Вот почему никто из моих подопечных никогда не собираются поговорить о своей работе. Разве что под рюмочку. Да и о чем говорить!? Раньше театр диктовал кино манеру игры, а сегодня все наоборот.

И все-таки, что вас привело к нам?

Мирославов давно заготовил ответ на этот вопрос, но сейчас раздумывал – вряд ли Уткин поверит в него.

– Пока я об этом сказать не могу в интересах следствия.

– Ну так я вам скажу. Вы пришли меня расспросить о Демове и его жене. Странно она умерла. И я был поражен, как быстро было закрыто следствие. Ведь ясно, что не могла она умереть от сердечной недостаточности.

Я не раз бывал у них дома, она ведь наша актриса, разговаривал с ней. Мы всячески помогали... Потом, я ее хорошо знал.

Уткин слегка откинул чисто по театральному голову и посмотрел в потолок. Мирославов вспомнил этот жест на телеэкране. Тут же сделал засечку: так Уткин делает, когда вспоминает хорошее, приятное. И тогда в экране он говорил возвышенно, с романтическим подъемом.

Значит, разговор о Демовой доставлял режиссеру Уткину такое высокое чувство. Может, он был ее любовником?

– Лара не могла умереть от такой болезни – с сердцем у нее не было проблем.

– А может, она приняла сильные лекарства и покончила с собой?

– Это вам лучше знать, вы ведь уже знакомились с делом.

– Знакомился. Больше того, я с вами полностью согласен, потому и вернулся к этой смерти после уже закрытого дела. Мы это редко делаем.

– Зачем же вы его заново начали расследовать? Хотите отомстить тому следователю, который его вел?

– У вас мышление чисто режиссерское – вы везде ищите конфликт. Не в этом дело, а в одном поцелуе, который и произошел на сцене вашего театра. Ну и ряда совпадений.

– Хорошо. Я не буду спрашивать, что это за поцелуй, хотя и догадываюсь. Что же вы хотите, чтобы я вам рассказал?

– Да вы уже много рассказали, на первый раз вполне достаточно.

– На первый раз? А сократить никак нельзя мое участие в вашем спектакле?

– Никак. Ведь вы также долго готовите свои сценические представления. У нас работа столь же кропотливая.

* * *

– Я хотела у тебя спросить про Якова, о котором ты вчера рассказывала, – обратилась Майя к Вале.

– Так ты ведь спала.

– Не совсем... Я слышала.

– А что там интересного? Типичный стяжатель и эксплуататор.

– Но если бы не он, твоей матери, наверное, пришлось бы туго – другой работы в городе и не сыскать?

– Это правда. Судостроительные заводы почти стоят. Ну и наш город это не Киев. А почему ты так интересуешься Яковым?

– Мой муж следователь, ты ведь знаешь. А у них дело, связанное с этой семьей.

– Ну тогда расскажу, что знаю. И даже...ну там посмотрим. Этим гадам давно пора дать по морде.

– Но почему ты считаешь их гадами?

– Они наживаются на горе людей.

– По-твоему, богатых вообще не должно быть?

– Не должно. Пусть каждый получает то, что сам заработал.

– Ну а если он получит за работу больше?

– За работу нельзя получить больше, чем работа стоит. Вот возьми продавцов. У меня подружка в палатке работает. Так ее директор, у которого таких палаток десяток, не может получать таких денег. С потрохами продай те палатки, но на них не купишь здоровенный джип, дачу и яхту. Палатки у него просто крыша.

А деньги он ворует, вот и все. И Яков с семейкой воровал. А потом его убили. И все говорят, будто брат и приказал ему долго жить.

– Михаил Демов? Такого быть не может.

– А так говорят. И еще говорят, что у этого столичного брата-актера большие связи, что он приезжал в наш город и выступал на закрытых концертах у этих толсторожих.

– Ну, Валя, зачем ты их так?

– А заслужили, морды поотъедали, закроются – и оранжевые, и синие и еще какие – на выселках своих творят такое! Я знаю про что говорю.

Что не поделят между собой – так стрелять начинают. И никто ничего – все шито-крыто.

Меня вон в больнице чуть не зарезали, добрые люди подсказали сюда ехать. А сколько я там намаялась!

А у них и больницы свои, дворяне и графы нашлись. Из того же села, но видишь, хорошо большое начальство принимал – с девочками, охотой, столами, едва выдерживающих наваленную на них еду.

Мать от одного подлеца и ребеночка понесла, он умер потом. Синий был – страх!

– Ты какие-то ужасы рассказываешь.

– Такая жизнь у нас, что я тут могу поделывать?

– И все-таки, за что убили Якова, за что, как ты говоришь, убил его родной брат?

– Да не родной он ему вовсе, а сводный – мать одна, а отцы разные. А убил из-за наследства.

Прабабушка ихняя еще в царские времена дворянкой была, три села имела. Муж ее был по морской части, чуть ли не адмиралом.

Очень богатые были. Оставили столько своим детям, что еще три века, не работая, можно жить в свое удовольствие. Но самое главное – закопали. Говорят, огромный такой сундук, набитый золотом и кольцами дорогущими.

И эта карта, где закопали, якобы утерялась. И ее ищут, все родственники думают, что она как раз у Якова и была.

Михаил, актер тутешний, часто приезжал к Якову, они много пили и ругались. Делили богатство. Якобы тот сундук был раскопан и поделен. А всем остальным родственникам дулю под нос.

– Получается, что родственники как раз и должны были убить вашего Якова, какой резон делать это киевскому брату?

– Как же – резон самый настоящий. Он и возвращает себе пол сундука, а потом сколько у него недвижимости – у Якова этого? Жуть!

* * *

Мирославов пришел в середине недели и сразу почувствовал изменение в атмосфере палаты. Майя могла выходить, они спустились в холл. Майя похвасталась буфетом, строго-настрого приказала не приносить огромных посылок. Во-первых, не та теперь обстановка, во-вторых, есть хороший буфет.

– А что у вас произошло в палате, на меня прямо холодом задуло? – спросил Мирославов, когда они уселись в холле на кожаном топчане.

– Интересное совпадение, а может, даже не случайное, – начала Майя. – Оказывается, Валя, девушка на крайней койке у стены, живет в городе, что и брат Демова Яков. Его, как и жену актера, тоже убили.

– Стоп, – резко повернул лицо к жене Мирославов. – Теперь подробно.

И Майя рассказала, как могла, подробно, что узнала от Вали.

Мирославов внимательно слушал, не перебивал.

– Ты все хорошо запомнила, у тебя прекрасная следовательская память, могу тебя взять в помощники. Информация интересная. Она сформировала мою командировку. Придется тебе недельку поскучать без меня.

* * *

Город погибал от жары. Ни ветерка. Духота, словно всунул голову в печь.

Мирославов добрался до гостиницы и, войдя в номер, тут же разделся и пошел в ванную.

Из крана выпало две ржавых капли. На этом мытье закончилось. Мирославов позвонил дежурной по этажу. Та улыбнулась в трубку, сказала, что у них в подвале есть аварийный водопровод.

Ничего не оставалось делать, как идти в подвал, в полутемную сырую комнату со скользкими поддонами и немывтым тысячу лет полом. Грибок заработать тут, что плюнуть. Но вода была холодной. Видно, из скважины. Мирославов простоял под душем полчаса.

Когда вернулся в номер, включил кондиционер, который начал издавать храпящие звуки. Солнце палило прямо в окно, если выключить этот рычащий ящик, в легкие будет попадать только гостиничная пыль. Вон она светится в солнечном столбе.

Побурчав немного, Мирославов лег на диван и включил приемник, из которого тут же выскочил Газманов со своей песенкой «Ты морячка – я моряк».

Мирославов лежал, вытянув ноги, слушал шлягер, и что происходит на улице.

Вот сейчас перед светофором натужно затормозил грузовик. Наверное, расплавленный асфальт волной пошел перед остановившимися колесами. Мирославову показалось, что эти колеса вот-вот лопнут от перегрева и перегрузки. И он ждал хлопка, но пронесло. Порадовался за водителя. Представить трудно, как бы он в такую жару посреди голой, пробиваемой мощным зарядом жары улице, менял колесо.

Так вот он тут лежит в этой Богом забытой гостинице, и это очень странно. Зачем?

Под эти неторопливые мысли, «Морячку», отхаркивание кондиционера и шум улицы Мирославов начал засыпать.

Но заснуть ему не дали. Грянул телефонный звонок, который забил своим визжанием все остальные звуки и заставил Мирославова подскочить на диване.

Черт, кто это еще? Он ведь только приехал, наверное, местные коллеги.

Так и оказалось. Мелодичный голос секретарши сказал, что управление МВД приветствует Мирославова Вячеслава Владимировича в их славном городе.

Так и сказала – «славно». Наверное, имеет в виду эту жару и гостиницу без воды, зло подумал Мирославов и чуть было не съязвил по этому поводу.

– Я передаю трубку полковнику Езерскому Петру Григорьевичу.

– Добрый день, Вячеслав Владимирович! – сказал Езерский грубым низким голосом. В нем было столько жаркой скуки, что Мирославов сразу же представил, сколько усилий стоило этому человеку позвонить и заниматься каким-то столичным гостем, который кроме лишней работы ничего приятного ему не доставит.

– Добрый жаркий день, Петр Григорьевич!

– Это какой-то кошмар, – сразу повеселел Езерский, почувствовавший, что хоть кто-то ему сочувствует.

– Юг, – сказал Мирославов, – ничего не поделаешь, тут всегда печет.

– Мне мама говорила: работать надо на Севере, а отдыхать на Юге. Вы меня слышите?

– Слышу и сочувствую.

– Ну вот и хорошо. Как у вас в номере?

– Гнусно.

– М-да. Наши гостиницы еще не достигли европейского уровня.

– Они, по-моему, вообще еще ни до какого уровня не достигли.

– М-да, – снова сказал Езерский. – Однако, я хотел бы видеть вас у себя, чтобы наметить, так сказать, план общих действий.

– Знаете что, Петр Григорьевич, давайте совместим приятное с полезным. Я ехал в таком поезде, который ничуть не лучше вашей гостиницы. Представляю, что и в ваших апартаментах не слаще.

– Вы мудрый человек, – сказал обрадованно Езерский. – Хрен редьки не слаще. У меня и местечко есть одно, где в прохладе можно посидеть. Сейчас я за вами приеду, а заодно и прихвачу дело Якова Демова.

– Откуда вы знаете, что оно меня интересует?

– Мы все знаем, когда надо, – загадочно сказал Езерский.

– Условие только одно, – сказал Мирославов, – я плачу.

– Обижаете, – соглашающимся голосом сказал Езерский. – Мы как хозяева...

– Я жду, – сказал Мирославов.

И подумал, что сделал благое дело, вытащив осатаневшего и наверняка после бодуна полковника на вольницу. Там он будет в своей среде. И в такой обстановке можно рассчитывать даже на откровенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.